

М. Т. БОДЖОЛЯН

## РЕФОРМЫ ТАНЗИМАТА В ОСВЕЩЕНИИ ТУРЕЦКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Период, охватывающий почти четыре десятилетия истории Османской империи XIX в. известен в историографии как период танзиматских реформ. Хронологически он делится на два этапа, включающих 1839—1856 и 1856—1876 гг. На первом этапе инициатива проведения реформ исходила от феодальной верхушки турецкого правительства, пытавшейся остановить процесс распада империи при помощи частичных изменений в государственно-административной структуре и правовой системе империи. На втором этапе, наступившем после Крымской войны 1853—1856 гг. и продолжавшемся до принятия первой турецкой конституции 1876 г., инициатива проведения реформ полностью находилась в руках великих европейских держав, которые использовали политику реформ для укрепления своих позиций в Османской империи.

Поскольку процесс превращения Турции в полуколонию европейских держав начался именно в разгар проведения танзиматских реформ, этот период стал объектом пристального внимания турецких исследователей, искавших причины социально-экономической отсталости Османской империи. Одним из первых критиков этого периода стал автор 12-томной истории Турции Ахмед Джевет, принимавший активное участие в танзиматском движении. Сам он был представителем клерикальных кругов и отличался довольно консервативными взглядами и, в целом, положительно отзывался о танзимате. Вместе с тем, как зоркий наблюдатель, он не мог не заметить отрицательные последствия недальновидной экономической политики лидеров танзиматского движения. Касаясь этой темы, он с горестью писал, что попытки «модернизации империи не увенчались успехом по той причине, что большинство государственных деятелей были безнравственными невеждами и, слепо подражая всему европейскому, они волей-неволей превратились в послушных слуг Запада»<sup>1</sup>.

К оценке реформ этого периода более трезво подходил Хайреддин-паша, занявший впоследствии пост садразам-Сетуя на

отрицательные последствия танзимата, он писал: «Сегодня наша страна превращена в сырьевой придаток Европы. Наши хлопководы, животноводы, шелкопряды и пр. в поте лица круглый год трудятся, чтобы затем продавать свою продукцию европейцам за гроши. Те же, благодаря своей развитой промышленности, перерабатывают это сырье и продают нам уже готовые фабричные изделия в десять раз дороже. Это показывает уровень отсталости экономики нашей страны, которая ввозит почти все предметы широкого потребления из-за рубежа»<sup>2</sup>.

Экономическую политику танзиматских деятелей критиковал также Мехмед Шериф. В своей статье, опубликованной в газете «Терджуман-ы ахвал», он писал: «Кое-кто из наших «патриотов», как и их иностранные благодетели, считает, что наша национальная промышленность и торговля безнадежно отстали от европейских, поэтому для обеих сторон было бы выгоднее, если бы мы отказались от попыток создания собственной промышленности и занимались бы исключительно выращиванием злаков, хлопка, шелка и пр. культур. Продав это все Европе, считают они, мы могли бы приобрести золото и готовые фабричные изделия»<sup>3</sup>.

Все указанные авторы были современниками танзимата и воочию убедились в бесплодности попыток спасения Османской империи при помощи верхушечных реформ, преследовавших цель «европеизации Турции», тем более, что эта «европеизация» лишь ускорила процесс окончательного распада империи.

До провозглашения Турецкой Республики танзимат в стране считался положительным явлением и никто не осмеливался критиковать его отрицательные последствия публично. Впервые это сделал Кемаль Ататюрк. Выступая 1 марта 1922 г. на заседании ВНСТ, он подверг резкой критике политику «открытых дверей», навязанную османскому правительству англо-турецким торговым договором 1838 г. «Политика «свободной торговли»,—говорил он,—подаренная нам танзиматом, нанесла непоправимый удар по нашей экономике, которая и без того не выдерживала конкуренцию Европы. Намного опередившие нас в экономическом развитии страны добавок получили такие гарантии, что освобождали их от уплаты многих налогов и позволяли им ввозить в нашу страну любой товар в любое время. Таким образом, европейцы стали абсолютными хозяевами нашей экономики»<sup>4</sup>. По мнению Ататюрка, танзимат был провозглашен «с целью умиротворения немусульманских элементов, бесконечно восстававших против Порты и для успокоения их европейских покровителей»<sup>5</sup>.

Выступление Ататюрка как бы послужило сигналом для нападок на танзиматские реформы и на их инициаторов. В 1924 г. историк Ю. Акчура в книге «Политика и экономика» обращался к

своим коллегам: «Господа, до недавнего времени о танзиматских реформах отзывались не иначе как о «благодетельных» (танзимат-ы хайрие). Танзимат считался священным и выступление против его принципов считалось святотатством. Думаю, что настало время назвать вещи своими именами. Мы должны выявить экономические причины, толкнувшие османское правительство к политике реформ и дать объективную оценку реформам этого периода»<sup>6</sup>. Далее Акчура выражал уверенность, что «через несколько лет в Турции все узнают, что никакой пользы наш народ от танзиматских реформ не получил»<sup>7</sup>.

Окрыленные заявлениями Ататюрка и Акчур, турецкие исследователи приступили к изучению различных аспектов танзиматских реформ. Все их труды были обобщены в сборнике, выпущенном в 1940 г. по случаю 100-летнего юбилея танзимата. Представленные в нем статьи посвящены узкоспециальным вопросам и в настоящей статье мы ограничимся лишь анализом взглядов турецких ученых на танзиматские реформы в целом.

В статье «Экономическая жизнь в годы танзимата» З. Ф. Фындыкоглу пытается дать обоснование выбору слова «танзимат». Если внимательно рассматривать документы тех лет, говорит он, то увидим, что вместо юридического понятия «канун» (закон) почти везде употребляется слово «низам» (порядок) или «танзим» (упорядочение, урегулирование). Чем же это объясняется? Тем, отвечает Фындыкоглу, что танзимат на самом деле является лишь дальнейшим усовершенствованием мусульманского права и философии, а не простым внедрением европейских нравов и институтов. Всюду преобладает мысль о том, что настоящим законом является лишь закон религиозный, а согласно шариату, установленные свыше порядки нельзя изменять, их можно только усовершенствовать. Поэтому и авторы реформ предпочли вместо юридических терминов употреблять термин религиозный—«танзимат»<sup>8</sup>. Возможно, Фындыкоглу прав, когда объясняет, почему этот период получил название «танзимат». Хотелось бы лишь напомнить, что «юридический термин» «закон» довольно часто употреблялся как на первом, так и на втором этапе. Тому примером могут послужить названия уголовного закона о государственных чиновниках (Memureyne dair ceza kanunu), о духовном сословии (Ulema hakkında ceza kanunu), закона 1863 г. о вилайетах и т. д.<sup>9</sup> Далее он характеризует этот период следующим образом: «Танзимат—это просто термин, принятый для обозначения событий того периода, когда резко обострились классовые противоречия в экономической жизни Османской империи. Провозглашение Гюльханейского рескрипта 1839 г., затем хатт-ы хумаюна 1856 г., принятие закона о вилайетах...—все это, можно предположить, было

ответом на выдвинутые империалистическими странами требования о проведении административных реформ»<sup>10</sup>. Как видно, он придерживается версии о навязывании политики реформ Порте извне. На самом же деле эти реформы были вызваны к жизни как результат внутреннего развития османского общества и, вплоть до 1856 г., проводились по собственной инициативе самих турецких руководителей, а европейские державы лишь пытались извлечь для себя выгоду из них. Лишь после этой даты реформы проводились под диктовкой и контролем европейских держав, и то Порты во многих случаях сохраняла известную самостоятельность.

Довольно содержательна статья А. Х. Онгунсу «Общий обзор танзиматских реформ и их причин». Танзимат, согласно Онгунсу, явился закономерным следствием реформаторского движения, начатого еще в начале XVIII в.<sup>11</sup> Причины зарождения этого движения он делит на «исторически обусловленные» и «непосредственные». К числу «исторически обусловленных» он относит: а) разложение тимариотской системы, являвшейся главной опорой государства; б) устарение существовавшей в империи административно-правовой системы; в) утрата авторитета и влияния султанов среди подданных; г) усиление сепаратистских устремлений; д) отсутствие учреждений, которые могли бы эффективно заниматься финансовыми вопросами. Короче говоря, основными историческими причинами проведения политики реформ были ослабление централизованной государственной власти и потеря обороноспособности страны.

Непосредственным поводом для перехода к этой политике, как он считает, были успехи, достигнутые египетским пашой Мухаммедом Али в области военной, административной и финансовой<sup>12</sup>. Период танзимата надо рассматривать как новое звено в цепи реформаторского движения, как попытку «омоложения» государства путем проведения преобразований. Это звено было более содержательным; оно охватило политику, администрацию, право, финансы, армию и т. д. Тем не менее реформы этого периода, за редкими исключениями, были поверхностными<sup>13</sup>. Они проводились не последовательно. Скачки чередовались с остановками и отступлениями. Нередко реакционерам удавалось остудить пыл реформаторов. Поэтому нельзя считать танзимат фундаментальным мероприятием, тем более называть его революцией<sup>14</sup>.

Далее Онгунсу дает характеристику этого периода в следующих пунктах: 1) по сравнению с предыдущими эпохами танзимат явился крупным шагом вперед; 2) он стал переходным между абсолютной монархией и народовластьем (республикой); 3) это было одной из попыток мирного разрешения Восточного вопроса. Ценой частичной потери своей независимости османское правительство

добивалось получения коллективной гарантии европейских держав; 4) танзимат положил начало внедрению западной культуры в Османской империи<sup>15</sup>.

Все основные документы этого периода, будь то Гюльханейский хатт-ы шериф 1839 г., хатт-ы хумаюн 1856 г. и первая конституция 1876 г., были приняты под давлением внутренних и внешних факторов. Как только давление этих факторов ослабевало, они предавались забвению<sup>16</sup>.

В заключение Онгунсу высказывает предположение, что период танзимата продолжался вплоть до 1908 г., когда была провозглашена вторая конституция<sup>17</sup>.

Идею о том, что танзимат является лишь звеном в цепи реформаторского движения, или «вестернизации» («гарплылашма») защищает также Э. З. Карал в статье «Вестернизация в дотанзиматскую эпоху». Начало этого движения Карал сводит к началу XVIII в. а конец — к провозглашению республиканского строя. Первый этап вестернизации начинается в период правления дамада Ибрагим-паши, известного в истории Турции как период тюльпанов (Ляле деври). Поскольку в эти годы сношения турок с европейцами стали весьма интенсивными, считает Карал, то последние должны были повлиять на образ мышления турок<sup>18</sup>. «В эпоху тюльпанов процветают науки, развивается промышленность, основывается первая типография, появляется много переводной литературы..., начинается всеобщий прогресс аналогично европейскому. Однако этот прогресс (по наивному мнению Карала) был приостановлен восстанием Патроны Халила»<sup>19</sup>. В этот период, продолжает он, еще отсутствуют идейные основы европеизации. Еще не написано книг, посвященных причинам упадка империи и указывающих на пути преодоления всеобщего кризиса. Духовенство постоянно проклинает европейцев с их новшествами, а народ, во всем покорный религии, не осознает всей серьезности создавшегося положения. Естественно, что в подобной атмосфере народ не мог требовать каких-либо реформ. Реформы в Османской империи могли быть проведены лишь сверху, как на самом деле и случилось. Они исходили либо от прогрессивно мыслящих султанов, либо от великих везиров, пользовавшихся покровительством монархов<sup>20</sup>.

Действительно, танзиматские реформы не выросли на пустой почве, а явились закономерным продолжением политики преобразований, осуществлявшейся правящими кругами в предшествующую эпоху. Вместе с тем будет неправильным сводить начало этой политики к эпохе тюльпанов, предполагая, что интенсивные сношения с европейцами могли способствовать изменению традиционного образа мышления турок. Впервые серьезные попытки реорганизации армии и некоторых феодальных институтов были предприня-



ты при султане Селиме III в. конце XVIII—начале XIX вв. Основы же самих танзиматских реформ были заложены уже в годы правления Махмуда II (1808—1839 гг.), когда «европеизация» была возведена до ранга государственной политики.

Забегая вперед скажем, что взгляды Карала в целом разделяет З. А. Полар в своей монографии «Причины гибели Османской империи». «Желание османского правительства проводить реформы,—говорит Полар,—совсем не отражает стремления народных масс. Порта собственноручно отказывается от своих привилегий во имя прогресса. Оно стремится обновлять государственную структуру, а народ сопротивляется этой политике. Почему? Потому, что народ был невежественным и находился под влиянием духовенства, которое видело в реформах прямую угрозу своим привилегиям. Религиозные деятели внушали народу, что изменение существующих порядков несовместимо с духом шариата<sup>21</sup>.

Бесспорно, что позиция духовенства по отношению к политике реформ, не всегда была позитивной. Учитывая возможную реакцию со стороны духовенства, правительство всячески уверяло его, что основные положения танзиматских реформ не затрагивают интересы религии, и доказывало это на практике. Наглядным примером этому является тот факт, что реформы не распространялись на церковные вакфы, где положение вещей оставалось прежним. Не будь поддержки духовенства, вряд ли султан и реформаторы могли бы провозглашать и проводить в жизнь реформы.

С критикой танзимата выступает также автор статьи «Внешние займы в период танзимата» Р. Ш. Сувла. Согласно его мнению, это движение, состоявшее из поверхностных и непоследовательных мероприятий, не оправдало возложенные на него правительством надежды, а превратило страну в «должника» великих держав. Катастрофическое положение, в котором очутилась страна по вине танзиматских лидеров, привело империю к финансовому банкротству. Исходя из этого можно сказать, что танзимат 1839 г. совсем не оправдывает своего названия. Действительный танзимат в Турции начинается лишь в республиканский период, когда были осуществлены реформы Ататюрка<sup>22</sup>.

Как буржуазный историк, Сувла ищет причины явлений в их внешних проявлениях. Прежде чем изложить свои доводы, он должен был обратить внимание на следующее: ухудшение финансового состояния Османской империи было обусловлено не с несостоятельностью танзиматских реформ, а с тем, что обещанные реформы большей частью остались на бумаге, и феодальные отношения, мешавшие экономическому прогрессу, сохранились; образование внешнего долга Османской империи связано с наступлением первой стадии империализма, когда вывоз капитала начинает приобретать

важное значение. В этом отношении Турция стала одной из первых, но далеко не единственной страной, превратившейся в «должника» промышленно развитых капиталистических держав; что касается «действительного танзимата республиканского периода», если танзимат определяется отсутствием финансовой зависимости, то известно, что внешняя задолженность республиканской Турции имеет все нарастающую тенденцию, что объясняется не внешними факторами, а социально-экономическим строем, господствующим в этой стране.

Статья крупнейшего турецкого историка *О. Л. Баркана* «Танзимат в истории земельного права Турции и аграрный закон 1274 (1858) г. в целом посвящена анализу исторических форм землеустройства в Османской империи и призвана доказать отсутствие феодальных отношений в истории Турции. Однако, подчиняясь веяниям времени, Баркан тоже пытается внести свою лепту в кампанию критики танзиматских реформ. «Естественно,—пишет он,—что государство вправе было взимать ашар (поземельный налог) с крестьян в зависимости от урожайности земли. Но танзиматские руководители, одержимые идеями установления полного равноправия во всем, решили взимать ашар со всех подданных в размере 1/10 части урожая, не считаясь с качеством земли, что привело к резкому уменьшению государственных доходов»<sup>23</sup>.

Как известно, «ашар» — основной поземельный налог. В различных районах империи он взимался в разных размерах и колебался в пределах от 10 до 50 % урожая, в зависимости от произвола властей (хотя Баркан это связывает с урожайностью земли). Такие колебания размеров ашара позволяла султанским агентам отнести крестьянские земли к той или иной категории произвольно и взимать налоги в двойном, тройном, а нередко и пятикратном размерах. Поэтому упорядочение сбора налогов и установление твердых размеров налогов, если бы они осуществились на самом деле, намного облегчило бы участь земледельцев и стимулировало бы развитие сельского хозяйства.

В статье «Теократическое государство и ланцистское государство» *С. М. Арсал* сетует на несвоевременность проведения реформ. «Люди,—пишет он,—уполномоченные реализовать политику реформ, не имели четкого представления о том, что им предстояло сделать. А те, кто приблизительно знал, какие реформы требуются стране, не имели ни власти и ни смелости для их проведения. Тем более, что и народные массы не были подготовлены к этому»<sup>24</sup>. Арсал одним из первых турецких исследователей выдвинул предположение, получившее впоследствии широкую популярность среди его коллег. Сущность его версии состоит в том, что якобы танзиматские реформы способствовали социально-экономическому прог-

рессу христианских подданных, тогда как самих турок они почти не коснулись. «Основные принципы танзиматских хаттов (указы), — жаловался он, — касались, как правило, не мусульманских, а в первую очередь — христианских подданных султана. Мусульмане могли бы извлечь пользу лишь из некоторых реформ, касающихся законодательства и налогообложения. Турки и мусульмане в целом не приобрели ни свободы совести, ни свободы вероисповедания, так как они ими уже пользовались»<sup>25</sup>.

Среди авторов сборника — С. Дж. Антел. Рассматривая те положительные сдвиги, которые произошли в Турции в середине XIX века в области просвещения, он в статье «Просвещение в эпоху танзимата» приходит к следующему заключению: «В целом танзимат стал весомым шагом по пути распространения западной цивилизации, серьезной попыткой внедрения европейских наук, попыткой освобождения государственного аппарата от влияния духовенства и создания государства европейского образца»<sup>26</sup>. Однако, как бы испугавшись решительности своего заявления, Антел тут же отступает и утверждает, что «государственные деятели эпохи танзимата не смогли осуществить фундаментальных перемен в государственной структуре и правительственном механизме. Им не удалось уничтожить старые государственные институты, они осуществили лишь некоторые поверхностные преобразования»<sup>27</sup>.

Я. Абадан в своей статье «Анализ танзиматского рескрипта» считает, что реформы рассматриваемого периода были вызваны к жизни необходимостью обновления и укрепления политического строя и единства; оздоровления и упрочения государственной машины, которая сотрясалась под ударами внутренних противоречий. Гюльханейский хатт-ы шериф отражает взаимоотношения между отдельной личностью (индивидуумом) и обществом и, с этой точки зрения, является документом, «содержащим юридические свободы и гарантии, предоставленные «османскому народу», иными словами, он является «настоящей конституционной хартией»<sup>28</sup>. Монарх, по собственному желанию, ограничивает свои полномочия, чертит тот «волшебный круг», границы которого он не вправе переступить<sup>29</sup>. Далее Абадан пишет, что в момент провозглашения танзиматского рескрипта буржуазные и либеральные взгляды в Османской империи были распространены довольно слабо, поэтому в документе не нашли места такие понятия, как свобода слова, печати, другие социальные свободы и т. д.<sup>30</sup>

О причинах неудач танзиматских реформ Абадан пишет: «Любое движение, лишённое поддержки широких слоев народа, не имеет шансов на успех. Конечные цели танзиматского движения были поняты не массами, которые должны были пожинать его



плоды, а лишь теми, чьи интересы оказывались под угрозой, поэтому как первые, так и вторые встретили реформы враждебно»<sup>31</sup>.

Критике экономических последствий танзимата посвящена также статья О. Дж. Сарча «Танзимат и наша промышленность». Политика открытых дверей, провозглашенная англо-турецким торговым договором 1838 г., по мнению Сарча, заранее предопределила судьбу турецкой экономики. От конкуренции европейских фабричных изделий в первую очередь, пострадала текстильная промышленность страны. В 1845—1855 гг. количество ткацких станков в таких городах, как Дамаск, Алеппо, Амасья, Диарбакыр и Бурса, сильно уменьшилось. Если до 1847 г. в Бурсе действовало более тысячи шелкопрядильных станков, то в дальнейшем их осталось не более 70<sup>32</sup>. Экономический кризис, вызванный экспансией европейского капитализма в Турцию в первые годы танзимата, постепенно охватил все сферы промышленности и завершился во второй половине XIX в. полным расстройством турецкой экономики. Таков был плачевный итог внедрения западной цивилизации<sup>33</sup>. Эту точку зрения разделяет также Ю. К. Тенгиршенк в статье «Внешнеторговая политика». «Само 'собой' разумеется,—пишет он,—Мустафа Решид-паша и его сподвижники не могли предвидеть, что этот договор (торговый договор 1833 г.) в будущем полностью парализует экономику страны»<sup>34</sup>.

Турецкие исследователи и позже неоднократно возвращались к проблематике танзиматских реформ. Однако они в основном повторяли выводы авторов статей, представленных в сборнике 1840 г. Следует отметить, что до военного переворота 1960 г., когда западная ориентация (особенно в годы правления Демократической партии) была возведена до ранга государственной политики, турецкая историография отличалась крайним консерватизмом и отсутствием научных методов при изучении истории собственной страны. После принятия конституции 1961 г. в Турции были созданы благоприятные условия для распространения прогрессивных идей среди интеллигенции и учащейся молодежи. В этой связи резко увеличился интерес к трудам классиков марксизма-ленинизма, часть которых была переведена на турецкий язык. Повышение политической активности масс заставило также турецких историков по-иному подойти к решению исторических вопросов. В 60—70 гг. их в основном занимали такие задачи, как определение места Турции в мировой истории, выявление причин ее вековой отсталости и поиски путей для ее преодоления. В связи с этим резко возрос интерес к социально-политической истории Турции, в частности к периоду танзимата, который был охарактеризован довоенной турецкой историографией как период превращения Османской империи в полуколонию империалистических держав.

Однако исследователи 60—70-х гг. не ограничивались одной лишь характеристикой танзиматских реформ: они прежде всего хотели определить социальную структуру османского общества, чтобы отнести его к той или иной формации, и показать основные линии ее экономического развития до превращения в сырьевой придаток развитых капиталистических стран.

Появление новых тенденций в турецкой историографии метко определил М. Сенджер в своей книге «Общественная структура Османской империи». «В сегодняшней Турции,—пишет он в предисловии к своей работе,—самым полемичным и самым болезненным является вопрос об общественной структуре турецкого общества. Общественное мнение страны жаждет знать: какие производственные отношения господствуют в нашей стране. А ответить на этот вопрос можно лишь тогда, когда мы будем знать общественную структуру османского общества. Иными словами, чтобы познать наше настоящее, мы должны изучать наше прошлое»<sup>35</sup>.

Причины социально-экономической отсталости Турции одним из первых попыталась научно обосновать лидер Турецкой рабочей партии (ТРП) Бехидже Боран. В своей книге «Вопросы социализма в Турции» она выделяет две основные причины, которые помешали Турции идти нога в ногу с западной цивилизацией: а) в то время, когда на Западе происходили социальные перемены, готовившие почву для развития капиталистических отношений, в османском обществе велась интенсивная борьба за создание централизованной феодальной государственности. Следовательно, Османская империя вступила в эпоху развитого феодализма значительно позже, чем страны Запада; б) основанная на перекрестке основных торговых линий, связывавших Запад с Востоком, Османская империя могла бы идти по иному пути развития, если бы не великие географические открытия позднего средневековья. В результате этих открытий присредиземноморские страны потеряли значение в международной торговле. Пришли в упадок также крупные торговые центры Анатолии»<sup>36</sup>.

Таким образом, в XVIII в. в противовес стремлениям капиталистического Запада превратить Османскую империю в сырьевой придаток и рынок сбыта, в стране зародилось движение за европеизацию. Вместе с тем западный капитализм, волей-неволей, способствовал зарождению капиталистических отношений и в самой Турции<sup>37</sup>. Колониальная политика империалистических держав помешала туркам создать собственную индустрию. Эволюционировали лишь аграрные отношения, что выразилось в распространении крупного частнособственнического землевладения. После узаконения частнособственнических прав на землю в 1858 г. крупные землевладельцы превратились в самый влиятельный класс осман-

ского общества. Благодаря танзиматским реформам феодальные отношения между государством и феодалами были ликвидированы, зато они в полной мере сохранились во взаимоотношениях феодалов-помещиков с крестьянством. В итоге господствующим классом в Турции стала не промышленная буржуазия, а крупные помещики. Это положение сохранилось и в республиканской Турции<sup>38</sup>.

Вышеприведенные Б. Боран причины отсталости Турции, на наш взгляд, неточны. Истории известны примеры, когда страны, где еще в середине прошлого столетия господствовали феодальные отношения (Германия, Япония), в последней четверти века догнали и обошли в экономическом развитии передовые капиталистические страны того времени. Что касается роли географических открытий, то это является лишь внешним фактором, способным в той или иной мере повлиять на ход развития, но не определять судьбу экономического развития в целом. Становление любого способа производства прежде всего обуславливается обострением внутренних противоречий общества и их разрешением на определенном этапе развития. Географические открытия были не причиной экономического прогресса Запада, а исторической необходимостью, вызванной к жизни новыми, капиталистическими отношениями. Что касается утверждения Боран о том, что капиталистические отношения в Турции начали складываться под воздействием иностранного вмешательства, было бы уместно вспомнить, что еще до начала танзиматских реформ в Турции был накоплен солидный купеческий капитал, который при условии определенного развития производительных сил мог бы перерасти в производственный капитал, т. е. привел бы к установлению буржуазных отношений. Этому помешали, во-первых, отсутствие безопасности личности и имущества; во-вторых, национальная политика турецких правителей: в-третьих, иностранное вмешательство. Большую роль в «отставании» Турции сыграли также представители феодально-помещичьей верхушки, поощряемые Западом, и политика правительства по отношению к инациональной буржуазии, от предприимчивости которой во многом зависела судьба экономики страны.

К освещению танзиматских реформ посвящена глава «Танзиматская эпоха» в уже упомянутой нами книге М. Сенджера<sup>39</sup>. Рассказывая о принципе равенства, провозглашенном танзиматскими лидерами, Сенджер указывает, что реформы не касались вакуфных земель, и что духовенство, по-прежнему, могло эксплуатировать население этих земель по собственному усмотрению<sup>40</sup>. Земельная реформа 1858 г., превратившая государственные земли «мири» в частнособственнические, была проведена под давлением иностранных держав, которых не устраивали многочисленные табу, сопровождавшие государственную форму землевладения<sup>41</sup>. Это утвер-

ждение Сенджера справедливо лишь отчасти. Известно, что крупное частное землевладение было довольно широко распространено в Османской империи еще в начале XIX века. Ликвидация тимариотской (военно-ленной) системы в годы правления Махмуда II неизменно должна была привести к юридическому обоснованию прав частных землевладельцев, которые пользовались ими фактически. Султанское правительство указом 1858 г. лишь узаконила уже сложившиеся земельные отношения. Далее, основываясь на фактах, он показывает процесс превращения империи в сырьевой придаток Запада<sup>42</sup>. В результате недалековидной политики правительства возникли крупные сельскохозяйственные фермы—«чифглики», продукция которых преимущественно предназначалась для экспорта<sup>43</sup>.

Отсутствие государственных кредитов, которые могли бы финансировать крестьян, привело к накоплению земельных богатств в руках армянских и греческих купцов и саррафов (менял), спекулировавших землей и превращавших крестьян в своих батраков<sup>44</sup>.

В заключение Сенджер приходит к следующим выводам: а) государственная форма землевладения, установленная где-то в середине 16 века, в период танзимата вновь уступила свое место частнособственнической форме землевладения. Этот переход был окончательно завершён в республиканский период; б) замена одной формы землевладения другой вызвала коренные изменения в общественной структуре империи; в) укоренение капиталистических отношений в сельском хозяйстве не сопровождалось установлением буржуазных отношений в городе; г) медленные темпы складывания буржуазных отношений не позволили Османской империи идти по капиталистическому пути развития.

Все это, по заявлению Сенджера, составило историческую основу отсталости современной Турции<sup>45</sup>.

Танзиматским реформам большое внимание уделяет также Д. Авджюглу в своей книге «Государственный строй Турции. Вчера, сегодня, завтра». В отличие от Сенджера, причины отсталости Турции Авджюглу пытается выявить путем сравнительного анализа, выбрав для сравнения пример скачкообразного развития капитализма в Японии.

Реформы танзимата, согласно Авджюглу, как и торговый договор 1838 г., были задуманы Англией. Хотя сама Турция давно нуждалась в преобразованиях, которые обеспечили бы безопасность жизни и имущества, наводили бы порядок в административном управлении, торговле и т. п., но в условиях политики открытых дверей эти реформы послужили лишь интересам западного капитала и способствовали колониальному порабощению Турции. «Сторонники западной ориентации,—жалуется он,—и по сей день пре-



подносят танзимат как процесс «вестернизации» и называют главного архитектора этого периода Мустафу Решид-пашу «великим человеком». Однако подобная вестернизация наблюдается во всех неевропейских странах, ставших впоследствии колониями и полуколониями развитых капиталистических держав. Решид-паша был государственным деятелем нового образца, который сделал свою карьеру не благодаря покровительству придворных сановников, а при поддержке представителя иностранной державы—английского посла лорда Каннинга—настоящего автора танзиматских реформ»<sup>46</sup>. Для подтверждения своего заявления Авджыоглу приводит отрывок из заключительной части Гюльханейского хатт-ы шерифа 1839 г., где говорится, что «дипломатические представители дружественных держав уведомляются о провозглашении танзимата». По мнению Авджыоглу, это предложение дало повод европейцам для вмешательства во внутренние дела Османской империи. Ради достижения своих корыстных целей европейцы преподнесли Турции две «конфеты»: 1) гарантию территориальной целостности и независимости империи; 2) принятие Турции в сообщество европейских стран на равноправных началах. К сожалению, продолжает он, через некоторое время принцип территориальной целостности был нарушен и империя была разделена. Что касается равноправного членства Турции, то это было всего лишь пустым звуком, поскольку режим капитуляций не позволял ей защищать свои интересы на международной арене<sup>47</sup>. Следовательно, танзиматское движение, с юридической точки зрения, было не процессом «вестернизации», а превращением в полуколонию Запада<sup>48</sup>. Единственно, кто извлек пользу от этих реформ, это греческие и армянские компрადоры, являвшиеся слугами западного капитала<sup>49</sup>.

Подытоживая свое отношение к танзиматским реформам, Авджыоглу приходит к следующему заключению: турецкая экономика, лишенная возможности самостоятельного развития, не только не создала современной промышленности, но и лишилась своих традиционных отраслей; заняв ключевые позиции в турецкой экономике, западный капитал препятствовал ее прогрессу; в итоге не была обеспечена безопасность жизни и имущества—один из важных факторов прогресса; не была создана административно-налоговая система, которая могла бы поощрять рост производительных сил; в конечном счете в Турции был установлен такой общественный строй, который можно характеризовать как капитализм колониального типа с преобладанием аграрной продукции<sup>50</sup>.

К изучению истории реформ в Турции посвящена также книга Н. Беркеса «Модернизация в Турции», вышедшая на английском, затем и на турецком языках. Это книга охватывает историю реформ, начиная с XVIII в. и кончая реформами республиканского



периода. В ней большое место уделено периоду танзимата, как качественно новому периоду в истории Османской империи.

Танзиматский хатт-ы шериф 1839 г., согласно Беркесу, не является ни конституцией, ни сводом законов. Это скорее всего — хартия, аналогичная тем, что провозглашались европейскими монархами. Но, в отличие от европейских, турецкая хартия ограничивает абсолютную власть монарха лишь в его взаимоотношениях с правительством, а не народом<sup>51</sup>. Многие пункты рескрипта были сформулированы довольно туманно, что позволяло представителям великих держав внести в них свои коррективы. Вследствие этого в 1856 г. была провозглашена вторая программа реформ, так называемый хатт-ы хумаюн 1856 г., который состоял из конкретных реформ, которые Порта обязалась проводить<sup>52</sup>. Если рескрипт 1839 г. в принципе отражал стремления мусульман, то хатт-ы хумаюн 1856 г. отвечал интересам лишь христианских подданных, по этой причине был встречен в штыки многими государственными деятелями и духовенством. Этот документ стал манифестом национальной независимости христианских народов империи<sup>53</sup>.

Одним из танзиматских новшеств было отделение гражданского судопроизводства от религиозной, т. е. создание судов «низамийе» (в отличие от религиозных — «шерийе»), которые подчинялись вновь созданному министерству юстиции, тогда как шариятские суды оставались в подчинении шейх-уль ислама. Подобный дуализм в судопроизводстве привел к обострению противоречий в правовой системе Турции и нередко вызывал конфликты между сторонниками «лаицизма» и «шариата»<sup>54</sup>.

Указ 1856 г. сыграл важную роль в жизни христианских подданных. Были созданы благоприятные условия для образования их национального единства. С другой стороны, в состав вновь созданных национальных советов, так называемых меджлисов, вошли не клерикалы, а гражданские лица. В итоге танзимат способствовал становлению христианских наций, управление которых с самого начала было доверено гражданским чиновникам. Они получали стимул к созданию национальных лаицистских государств. В этой области, пишет Беркес, особых успехов добились армяне, которые провозгласили свою национальную конституцию, утвержденную в 1863 г. турецким правительством. Думается, что танзиматские лидеры при составлении текста первой турецкой конституции (1876 г.) многое переняли от конституции армян<sup>55</sup>.

Что касается мусульман, то религиозные правила мешали им объединиться вокруг одной нации. А насчет лаицизации государства не могло быть и речи. В Османской империи нельзя было допустить возможности существования независимой от государства религиозной организации. Столкновение религиозных догм с пе-

рениями у Запада институтами постепенно привело к тому, что государство лишилось своих юридических основ, и вместе с тем оно не смогло стать представителем подданных всех национальностей. В результате возникло конституционное движение турок, основанное на принципах национализма<sup>55</sup>.

Большой ошибкой танзиматских лидеров было их пренебрежительное отношение к экономическим предприятиям. В то время как у христиан (преимущественно у армян и греков) развивалась национальная буржуазия, не были созданы условия для образования собственно-турецкой буржуазии, которая могла бы стать носителем общенационального прогресса<sup>57</sup>.

Неустойчивая внутренняя политика правительства способствовала возникновению разных политических течений—панисламизма, паносманизма и пантюркизма. Представители этих течений по-разному пытались разрешить внутренние противоречия османского общества, но особого успеха не добились<sup>58</sup>.

Таким образом, танзиматские реформы, в изложении Беркеса, были положительными лишь только для подданных христиан, а самим туркам ничего, кроме обострения внутренних противоречий общества, не дали. Здесь было бы уместно привести изречение Маркса о том, что «греки, армяне, славяне и западноевропейцы, обосновавшиеся в больших морских портах, держат в своих руках всю торговлю, и у них нет решительно никаких оснований благодарить турецких беев и пашей за возможность ею заниматься»<sup>59</sup>. Становление инонациональной торговой буржуазии в Османской империи началось задолго до танзимата, и если накопленный в ее руках торговый капитал не превратился в промышленный (что дало бы большой толчок развитию экономики империи в целом), то в этом виноват в первую очередь социально-экономический строй Османской империи.

В заключение нам бы хотелось остановиться еще на одной книге, «доказывающей» привилегированное положение армян, полученное ими в результате танзимата. Эта книга Инайетуллаха Джемала Озка, изданная на французском языке и носящая провокационное название «Армянский народ и попытки порабощения турецкого народа». Здесь мы не будем говорить об антинаучных взглядах автора, пытавшегося (даже основываясь на армянских источниках!) доказать, что истории армянского народа и армянского государства вообще не существовало, а остановимся лишь на той главе книги, где он «анализирует» положение армян в годы танзимата.

Рескрипты этого времени, согласно Озка, позволяли христианам принимать активное участие в общественно-политической жизни империи и пользоваться всеми правами, что и мусульмане.

Они могли называть себя «османлы», могли стать членами всяких административных советов, словом, пользоваться всеми благами<sup>60</sup>.

Османская администрация, действительно, не была лишена пороков: ее извратили постоянные войны, восстания и т. д. Как бы там не было, от произвола администрации больше всех страдало турецкое население (!), носившее на своих плечах всю тяжесть военной службы, тогда как немусульмане откупались от нее и, занимаясь торговлей и ремеслами, постепенно приобщались к западной цивилизации. Турки же имели свою «древнюю цивилизацию, от которой не хотели отказаться, поэтому все новое воспринимали с явной неохотой»<sup>61</sup>. Поскольку иностранными языками преимущественно владели армяне, турецкие власти разрешали им занимать важные посты в разных государственных учреждениях. Лояльность и преданность, проявленные армянами, оценивались турками, которые называли их преданным народом — «миллет-и садыка». Им разрешали заниматься банкирством, торговлей и ремеслами. «Кто мог бы подумать, что когда-нибудь армяне восстанут против государства и заключат союз с врагами империи и потребуют автономии и даже независимости!»<sup>62</sup>. После заключения Парижского трактата 1856 г. армяне в Турции пользовались почти полной независимостью и национальным суверенитетом. Правительство имело лишь теоретическое право контролировать деятельность армянского Национального совета, но этим правом почти не пользовалось. Несмотря на все это, армяне восстали против турок, чтобы на руинах Турции создать свое государство<sup>63</sup>. Критиковать взгляды Озкая было бы излишне, поскольку советские туркологи подвергли доскональной критике антинаучные извращения исторических фактов турецкими историками, тем более, что Озкая лишь повторяет доводы реакционно настроенных турецких исследователей.

В последнее время в Турции опубликованы и другие работы, однако большинство из них повторяют уже изложенные здесь точ-ки зрения.

Обобщение взглядов турецких исследователей, занимающихся проблемами периода танзимата, дает возможность сделать следующие выводы. Танзиматские реформы стали объектом пристального изучения туркологов многих стран, в том числе и самих турок, еще во второй половине прошлого века. Авторы первых заметок о танзимате были очевидцами событий тех времен, свидетелями развала экономики империи и поэтому критиковали танзиматских лидеров за неумелую экономическую политику, превратившую страну в сырьевой придаток развитых промышленных стран. Интерес к этому периоду сильно возрос после критических выступлений Ататюрка. В 20—30-х гг. в турецкой историографии был выра-

ботан новый подход к оценке танзиматских реформ. Взгляды турецких исследователей были обобщены в танзиматском сборнике, выпущенном в 1940 г. Несмотря на некоторые разногласия, авторы этого сборника в целом придерживались следующих взглядов: а) Танзимат является звеном в цепи реформаторского движения, которое берет свое начало с XVIII века и завершается реформами Ататюрка, поэтому его надо рассматривать в историческом развитии; б) в отличие от предыдущих и последующих реформ, реформы танзимата проводились под диктовкой западных держав и преследовали цель удовлетворить общественное мнение Европы и христианских подданных империи; в) реформаторское движение было результатом стараний отдельных государственных деятелей империи, а народные массы в нем не принимали никакого участия; г) реформы этого периода были поверхностными и непоследовательными, но в какой-то степени способствовали внедрению европейской цивилизации в Османской империи.

Здесь следует особо остановиться на утверждении о якобы «внеклассовости» танзиматских реформ, поскольку идея о пассивности народных масс в этом движении весьма популярна среди турецких и западных исследователей. Что такое реформа и почему она проводится? На этот вопрос исчерпывающий ответ был дан классиками марксизма-ленинизма. «Реформа,—писал В. И. Ленин,—есть уступка, которую делают правящие классы, чтоб задержать, ослабить или затушить революционную борьбу, чтобы раздробить силу и энергию революционных классов, затемнить их сознание и т. д.»<sup>64</sup>.

В силу особых обстоятельств классовая борьба в Османской империи с самого начала приняла национальную форму, поскольку подавляющую часть населения империи составляли нетурецкие народы. Национально-освободительная борьба против турецкой тирании одновременно была социальной борьбой, направленной против господствовавшего феодального класса, который, как правило, был представлен турками. Истории известны факты, когда против произвола феодалов многие турецкие трудящиеся боролись совместно с нетурецкими народами. «Социальные реформы,—писал К. Маркс,—никогда не бывают обусловлены слабостью сильных; они должны быть и будут вызваны к жизни силой слабых»<sup>65</sup>. По всей видимости, мощным фактором, заставившим правящие классы Турции проводить реформы вообще и танзиматские, в частности, было именно давление «слабых», т. е. народных масс всех национальностей. Что касается внедрения европейской цивилизации, то подобная европеизация, или «вестернизация», происходила во всех странах, превращенных в колонии и полуколонии капиталистических держав.



Вторично интерес турецких исследователей был прикован к реформам танзимата в 60—70-х гг. XX в. в связи с возросшим интересом к социально-экономической истории Турции среди интеллигенции и учащейся молодежи. Несмотря на противоположность убеждений, в освещении вопросов истории, авторы рассмотренных выше работ во многом солидарны друг с другом. Например, такие исследователи, как Б. Боран, М. Сенджер, Д. Авджюоглу и др. в своих исследованиях пытаются определить место Османской империи в общечеловеческой истории и выявить характер существовавших в ней социально-экономических отношений.

Մ. Տ. ԲՈՋՈՒՅԱՆ

**ԹԱՆԶԻՄԱԹՅԱՆ ԲԱՐԵՓՈԽՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ԼՈՒՍԱՐԱՆՈՒՄԸ  
ԹՈՒՐԶԱԿԱՆ ՊԱՏՄԱԳՐՈՒԹՅԱՆ ՄԵՋ**

Ա. մ փ ո փ ու մ

XIX դարի 30—70-ական թթ. օսմանյան կառավարող շրջանների կողմից իրագործված բարեփոխությունները, որոնք հայտնի են թանգիմաթյան բարեփոխություններ անվանումով, վաղուց գրավել են արևելագետների ուշադրությունը: Բուն Թուրքիայում, մինչ հանրապետական կարգերի հաստատումը, այդ հարցի մասին առանձին աշխատություններ չեն եղել: Թանգիմաթը թուրք պատմաբանների հատուկ ուսումնասիրության առարկա է դարձել լույս XX դարի 30-ական թթ-ին, երբ նրանց ընդհանուր ջանքերով լույս է տեսել «Թանգիմաթ» բազմաժանյալ աշխատությունը, որը նվիրված է հիշյալ շրջանի հարցերի բազմակողմանի լուսարանմանը:

Այդ բարեփոխությունները վերստին թուրք հետազոտողների ուշադրության կենտրոնում էին գտնվում դարիս 60—70-ական թթ-ին՝ Թուրքիայի դարավոր հետամնացության պատճառները լուսարանելու ուղղությամբ ծավալված վիճաբանության առթիվ: Որոշ հեղինակներ փորձում են որոշել Օսմանյան կայսրության տեղը համաշխարհային պատմության մեջ և բնութագրել նրանում գոյություն ունեցող սոցիալ-տնտեսական հարաբերությունները:

- 1 *N. Berkes*, Türkiye'de Çağdaşlaşma, Ankara, 1973, s. 207—208.
- 2 *Z. Polar*, Osmanlı İmparatorluğunun çöküşüne Sebep ve Etkileri, İstanbul, 1962, s. 23.
- 3 „Tercüman-ı Ahvâl“, 13 sefer 1278 (20 ağustos 1861); Türk Ziraat tarihine Bir Bakış, İstanbul, 1938, s. 109.
- 4 *D. Avcıoğlu*, Türkiye'nin Düzeni (Dün, bugün, yarın), 4. basım, aralık, 1969, s. 77.
- 5 *Atatürk*, Söylev ve Demeçler, c. I, s. 199.
- 6 *Y. Akçura*, Siyaset ve İktisat, İstanbul, 1924, s. 64.
- 7 Там же.
- 8 *Z. F. Fındıkoğlu*, Tanzimatta İçtimai Hayat, —Tanzimat, I, İstanbul, 1940, s. 657—658.
- 9 *H. Veldet*, Kanunlaştırma Hareketleri ve Tanzimat, —Tanzimat, I, s. 170—171.
- 10 *Z. F. Fındıkoğlu*, a. g. y., s. 644.
- 11 *A. H. Ongunsu*, Tanzimat ve Amillerine Umumi Bir Bakış, —Tanzimat, I, s. 10.
- 12 Там же, с. 6.
- 13 Там же, с. 7.
- 14 Там же, с. 8.
- 15 Там же, с. 9.
- 16 Там же, с. 10.
- 17 Там же.
- 18 *E. Z. Karal*, Tanzimattan Önce Garplılaşma Hareketleri, —Tanzimat, I, s. 14—15.
- 19 Там же, с. 15.
- 20 Там же, с. 17.
- 21 *Z. A. Polar*, a. g. y. s. 23.
- 22 *R. S. Suvla*, Tanzimat Devrinde İstikrazlar, —Tanzimat, I, s. 263.
- 23 *O. L. Barkan*, Türk Toprak Hukuku Tarihinde Tanzimat ve 1274 (1858) tarihli Arazi Kanunnamesi, —Tanzimat, I, s. 357.
- 24 *S. M. Arsal*, Teokratik Devlet ve Laik Devlet, —Tanzimat, I, s. 93.
- 25 Там же, с. 92.
- 26 *S. C. Antel*, Tanzimat Maarifi, —Tanzimat, s. 445.
- 27 Там же.
- 28 *Y. Abadan*, Tanzimat Fermanının Tahlili, —Tanzimat, I, s. 33.
- 29 Там же, с. 42.
- 30 Там же, с. 53.
- 31 Там же, с. 56.
- 32 *O. C. Sarç*, Tanzimat ve Sanayimiz, —Tanzimat, I, s. 423—425.
- 33 Там же, с. 428.
- 34 *Y. K. Tengirşenk*, Harici Ticaret Siyaseti, —Tanzimat, I, s. 319.
- 35 *M. Sencer*, Osmanlı Toplum Yapısı. Devrim Stratejisi Açısından., İstanbul, 1969, s. 5.

- 36 *B. Boran*. Türkiye ve Sosyalizm Sorunları, İstanbul, 1968, s. 7—13.
- 37 Там же, с. 15.
- 38 Там же.
- 39 *M. Sencer*, а. г. у., s. 311—324.
- 40 Там же, с. 312.
- 41 Там же, с. 318.
- 42 Там же, с. 321—322.
- 43 Там же, с. 323.
- 45 Там же, с. 324.
- 46 *D. Avcioglu*, а. г. у., s. 79—80.
- 47 Там же, с. 81.
- 45 Там же, с. 324.
- 48 Там же, с. 82.
- 49 Там же.
- 50 Там же, с. 116.
- 51 *N. Berkes*, а. г. у., s. 187.
- 52 Там же, с. 189.
- 53 Там же, с. 190.
- 54 Там же, с. 190—192.
- 55 Там же, с. 201.
- 56 Там же, с. 202.
- 57 Там же, с. 218.
- 58 Там же,
- 59 *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Соч., изд. II, т. 10, с. 25.
- 60 *I. Cözkaya*, Le Peuple Arménien et les tentatives de rendre en servitude. le Peuple Turc, Ankara 1973, p. 183.
- 61 Там же.
- 62 Там же.
- 63 Там же.
- 64 *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 15, с. 107.
- 65 *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Соч., изд. II, т. 4, с. 254—255.